

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ КОРОЛЕВ О ПРОИСХОЖДЕНИИ КАЗАЧЕСТВА НА ДОНУ (К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)

Н.А. Мининков

Аннотация. В 2020 г. исполняется 80 лет со дня рождения выдающегося российско-го историка Владимира Николаевича Королева, много лет работавшего в Ростовском государственном педагогическом институте и в Ростовском государственном университете. Научное наследие В.Н. Королева включает в себя исследования по разным проблемам истории казачества. Это фундаментальные монографии – «Босфорская война» о походах донских и запорожских казаков на район Константинополя и «Донские казачьи городки» по исторической географии донских казачьих поселений. В.Н. Королев проявлял значительный интерес к вопросу о происхождении казачества. По его мнению, в этом процессе свою роль сыграло славяно-русское население Нижнего Дона, появившееся в этом регионе еще со времени Белой Вежи и просуществовавшее в дальнейшем до времени появления в источниках сведений о казаках. Часть такого населения он видел в турецком Азове. После середины XVI в., по мнению В.Н. Королева, это население исчезло за 50–90 лет. Причиной его исчезновения стала острая борьба между казаками и Азовом. Часть этого населения приняла ислам, а часть вошла в состав казачества. Положение о выживании славяно-русов раннего средневековья на Дону В.Н. Королеву доказать не удалось, но он поставил важные и интересные вопросы, решение которых может полнее раскрыть процесс появления казачества на Дону. Ученик В.Н. Королева В.К. Цечоев продолжает исследование данного вопроса.

Ключевые слова: В.Н. Королев, происхождение донского казачества, славянское население на Дону в раннее средневековье, бродники, Червлёный Яр.

Мининков Николай Александрович, доктор исторических наук, профессор, профессор, Институт истории и международных отношений, Южный федеральный университет, 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, mininkov@aaanet.ru.

VLADIMIR NIKOLAEVICH KOROLEV ON THE ORIGIN OF COSSACKS ON THE DON (TO THE 80TH ANNIVERSARY OF BIRTH)

N.A. Mininkov

Abstract. This year marks the 80th anniversary of the birth of the outstanding Russian historian Vladimir Nikolaevich Korolev, who worked for many years at the RSPi and at the RSU. The scientific heritage of V.N. Korolev includes research on various aspects of the history of the Cossacks. “The Bosphorus War” on the campaigns of the Don and Zaporozhye Cossacks to the Constantinople, and “Don Cossack Towns” on the historical geography of the Don Cossack settlements are his fundamental monographs. The origin of the Cossacks was an issue of considerable interest for V.N. Korolev. In his opinion, the Slavic-Russian population of the Lower Don played a significant role in this process. They appeared in this region in the time of the White Vezha and continued to exist until the time when information about Cossacks appeared in the sources. He saw part of such population in Turkish Azov. After the middle of the 16th century, according to V.N. Korolev, this population disappeared in 50–90 years. The reason for the disappearance was a sharp struggle between the Cossacks and Azov. Part of the population converted to Islam, and part became part of the Cossacks. V.N. Korolev failed to prove the survival of the Slavic-Russians in the early Middle Ages to the Don, but he posed important and interesting questions, the solution of which could reveal the process of the emergence of the Cossacks in the Don region. V.K. Tsechoev, student of V.N. Korolev, continues to study this issue.

Keywords: V.N. Korolev, the origin of the Don Cossacks, Slavic population on the Don in the early Middle Ages, brodnicks, Chervleny Jar.

30 января 2020 г. исполнилось восемьдесят лет со дня рождения выдающегося российского историка Владимира Николаевича Королева, много лет работавшего в Ростовском государственном педагогическом институте и в Ростовском государственном университете [Агафонов, 2018, с. 152–160]. Вклад историка в изучение прошлого донского казачества, как и казачества в целом, трудно переоценить. Это фундаментальная монография, посвященная походам донских и запорожских казаков в XVI–первой половине XVII в. на Константинополь и на район Босфора [Королев, 2002], вызвавшая огромный интерес и защищенная им в 2002 г. как докторская диссертация. Но В.Н. Королев интересовался не только войной, которую вели казаки, прежде всего морской войной, но и вопросами, относящимися к положению их на самом Дону, в том числе их поселениями-городками. Уже после кончины историка вышел в свет другой его выдающийся труд – «Донские казачьи городки» [Королев, 2007], посвященный по существу каждому из этих поселений за период до того, когда военизированные городки донских казаков превратились в станицы, имевшие в большей мере черты поселения, где население занято разными отраслями хозяйства. Этот труд представляет собой комплексное историко-географическое исследование, относящееся к расселению донских казаков по территории войска Донского. Исследования В.Н. Королева вообще отличались скрупулезностью и вниманием к источникам. Это нашло свое проявление в его докладе, посвященном частному вопросу исторической географии, относящегося к Булавинскому восстанию, в котором уточнялось место сражения восставших казаков со старшинским войском у речки Лисковатки, после которого для булавинцев оказался открыт путь к Черкаску и к победе восстания на Дону.

Еще одна крупная и очень сложная проблема, которая живо интересовала В.Н. Королева, по которой он высказывался, но не успел предложить ее концепцию в монографической форме, была проблема происхождения донского казачества. Как и всякая проблема этногенеза и социогенеза, она особенно сложна. Это не случайно. Исторический период, когда происходили подобные события, был весьма далеким, обеспечение его источниками, особенно содержащими достоверную информацию, очень ограниченное. Решение данной проблемы осложнялось также тем обстоятельством, что не утвердился определенный взгляд на казачество как на этническое образование или как на особый социум. Что касается положения его как такого социума, то оно сложилось в связи с признанием правительством царя Михаила Романова его прав в качестве особого служилого сословия Московского государства и сохранявшего свое положение особого сословия вплоть до революции и советского декрета об упразднении сословий и гражданских чинов. Другая трудность состояла в том, что происхождение казачества на Дону всегда было не только большой и сложной научной проблемой. Этот вопрос является также одной из основ для общественных разногласий и общественных дискуссий уже очень давно. Начало его прослеживается с того времени, когда строитель крепости Святого Дмитрия Ростовского и первый историк донского казачества А.И. Ригельман указал на разное отношение к вопросу об исторических корнях казачества среди самих казаков в его время [Ригельман, 1992, с. 17].

То же самое, как наглядно обосновал за последнее время исследователь политической борьбы на Дону в начале прошлого века Б.С. Корниенко, имело место в период перед революцией 1917 г. Это было не случайно. В самом деле, в условиях обострявшейся идейно-политической борьбы древность происхождения казачества, как казалось, могла выдвигаться в качестве одного из действенных аргументов, обосновывавших особое положение казачьего сословия в Области войска Донского. Как справедливо отмечал Б.С. Корниенко, в вопросе о происхождении казачества на Дону идейная борьба имела место между новочеркасским чиновником Е.П. Савельевым, искавшим корни казачества в глубокой древности [Савельев, 1915], и выпускником Харьковского университета П.П. Сахаровым, выдвинувшим теорию трудового промыслового происхождения казачества. Начало казачества на Дону он видел в период не ранее XVI в. [Сахаров, 1914, с. 6–48] По существу, Б.С. Корниенко относил сочинение Е.П. Савельева и труды П.П. Сахарова к разным формам поднимавшейся на Дону националистической идеи [Корниенко, 2013, с. 161]. Это справедливо в целом, однако едва ли правильна недооценка им научного уровня исследования П.П. Сахарова [Корниенко, 2013, с. 157], которое опиралось на самую широкую источниковую базу. Несомненно, что В.Н. Королев, скончавшийся до появления книги Б.С. Корниенко, знал об этой дискуссии. Он высоко ценил П.П. Сахарова, хотя и не соглашался с ним. Но тем более он не соглашался с фантастическими построениями Е.П.Савельева, опиравшимися на метод символической этимологии, когда на основании сходства или мнимого сходства топонимов, этнонимов, отдельных слов делались далеко идущие выводы об этногенезе. В самом деле, такой метод имел место еще во времена М.В. Ломоносова и Г.Ф. Миллера, и был подвергнут в дальнейшем обоснованной критике [Шапири, 1982, с. 222].

В советский период дискуссии по проблеме происхождения казачества на Дону продолжились, однако в связи с упразднением сословного деления общества они потеряли идейно-политическую заостренность, как это было в дореволюционный период. В.Н. Королеву было известно, что советские историки связывали появление на Дону казачества и казачьих поселений с внутренними противоречиями феодального общества в России, с бегством крестьянства от феодального гнета на вольные окраины, в том числе на Дон. Допускались при этом также элементы трудовой промысловой теории, поскольку указывалось на привлекательность природных ресурсов юга для населения русских земель. Но, с другой стороны, советские историки не оставляли попыток обосновать происхождение донского казачества во времена раннего русского средневековья. В.Н. Королеву была известна точка зрения В.В. Мавродина о выживании славянского населения на Дону со времени Белой Вежи вплоть до появления казаков и казачьих городков [Мавродин, 1938, с. 255, 257]. Знал В.Н. Королев также об исследовании Н.М. Волынкиным вопроса о бродниках, в которых он видел предшественников казачества [Волынкин, 1949, с. 58–61]. Но он останавливался, однако, перед тем, чтобы провести прямую связь между бродниками киевского времени и битвы на Калке и позднейшими донскими казаками. Он также знал, что связь между донскими казаками и бродниками

признавал Л.Н. Гумилев. Ученик его А.А. Шенников видел в православном населении караулов по Хопру и Верхнему Дону, где располагался Червлёный Яр, предков хоперской группы донских казаков [Шенников, 1987, с. 4, 20, 51–57, 122–123]. В этих караулах он видел пограничную охрану Орды, а служба по охране рубежей была характерна для более позднего казачества. Но В.Н. Королев также хорошо знал, что материал о жителях Червлёного Яра содержится только в двух митрополичьих грамотах XIV в., дававшихся митрополитами Феогностом и Алексием [Акты исторические, 1841, с. 1–4], но сведений о червлёноярцах за XV в. не имеется. На основании такого ограниченного материала трудно было делать далеко идущие выводы. И поэтому, следовательно, вывод о прямой генетической связи между червлёноярцами и донскими казаками на Хопре XVI в. оставался на уровне гипотезы.

Поддерживая точку зрения, согласно которой в XVI в. выходцы из русских земель встретились на Дону с потомками славянского населения времени Белой Вежи и бродников, В.Н. Королев вместе с тем решительно отвергал распространённое среди донских историков представление о том, что исторические корни донского казачества уходят в глубокую древность. Это относилось и к высказыванию директора новочеркасской гимназии А. Попова о происхождении донских казаков от амазонок [Попов, 1814–1816, с. 1–2, 12–14], и к упоминавшимся рассуждениям Е.П. Савельева. Однако на рубеже прошлого и нынешнего века, в условиях, когда развернуло свою деятельность движение за возрождение казачества, когда входящие в это движение казаки стали заявлять о своем особом месте в российском обществе, об особом этническом происхождении, вопрос о древности возникновения казачества вновь вышел за рамки научных дискуссий. Он снова, как и вначале прошлого века, приобрел общественную значимость. На памяти автора имел место случай, когда на кафедре пришел к В.Н. Королеву один из представителей движения за возрождение казачества и заявил о том, что нужна общественная поддержка положению о происхождении донских казаков от сармат. Помню, что на это В.Н. Королев отвечал, что в науке, а вопрос о происхождении донского казачества научный, общественная поддержка не имеет никакого значения, и все зависит от эмпирического материала, который относительно связи между казаками и сарматами и происхождения казаков от ираноязычных сармат привести невозможно. Не заметно также, чтобы В.Н. Королева сколько-нибудь привлекали выводы предшествовавших историков о северо-кавказском происхождении донских казаков. Во всяком случае, он не был приверженцем сложного объяснения этого процесса, который давал еще В.Н. Татищев. В ходе сложного миграционного процесса, как писал выдающийся историк первой половины XVIII в., часть «черкес от Бештау» поселилась в 1282 г. вблизи Курска. Затем эти черкесы перешли на Днепр, поставили город, который в память о своем прошлом называли Черкасы, и положили начало запорожскому казачеству. Когда же в 1569 г. происходил поход от Азова к Астрахани турецко-крымского войска, они, согласно В.Н. Татищеву, перешли на Дон вместе со своим прославленным предводителем князем Дмитрием Вишневецким. Они остались жить в низовьях Дона и в память о прошлом «построили город Черкасской» [Татищев, 1979, с. 267]. Отношение В.Н. Королева к этой концепции

было не случайным, выглядела она слишком искусственно, и в ней немало было от символической этимологии.

Но, обоснованно отвергая далекие от науки построения, В.Н. Королев, тем не менее, считал, что вопрос об исторических корнях казачества на Дону может рассматриваться в связи с вопросом о славянском населении Дона периода раннего средневековья. Иначе в этой связи не было вполне ясно, почему славяне на Дону, о которых было хорошо известно со времени Киевской Руси и Белой Вежи, ушли с исторической арены, не оставив сколько-нибудь глубокого следа. Не было ясности с бродниками, упоминания о которых в источниках мимолетны, а суждения о принадлежности их к славянству на основании имени их воеводы Плоскини [ПСРЛ, 1949, с. 120], упомянутом в летописи в связи с битвой на Калке. Эти суждения близки к символической этимологии, и могут быть поставлены под сомнение. Не было также ясности, как закреплялись на Дону без помощи проживавшего ранее родственного населения выходцы из русских земель, которые по существу оказывались во враждебной среде. Наконец, как усваивались традиции формирования этнически пестрого казачьего сообщества, включавшего в свои ряды представителей традиционно противостоявших друг другу сообществ, ушедшего на Дон русского населения и татар, как могло оказаться, что атаманом донских казаков был явный татарин или турок Сары Азман, а азовских казаков – Сенька Ложник. На такое противоречие обращал внимание еще С.М. Соловьев [Соловьев, 1989, с. 672]. Очевидно также, что В.Н. Королев не считал вполне доказанным то, что славянское население на Дону, известное с Белой Вежи, ушло в прошлое, не оставив о себе даже следов исторической памяти. Наконец, он особое внимание обращал на значительную концентрацию славян в турецком Азове в первую половину XVI в. в своей программной статье по этому вопросу «Славяне турецкого Азова» [Королев, 1999, с. 16].

Он при этом считал, что при исследовании происхождения казачества на Дону следует учитывать сведения об этом славянском населении. Он указывал, что такие данные имеются в каталонском атласе 1375 г., где имеется ряд географических названий на Нижнем Дону, которые не локализованы. По его словам, некоторые донские поселения, известные итальянцам и арабам, имеют частью своего названия слово «русский». Он также обращал внимание, что в ярлыке хана Джанибека 1342 г. в числе имущества русской церкви упомянуты виноградники. Это, по его мнению, может указывать на Нижний Дон [Королев, 1999, с. 16], где, следовательно, русская церковь имела свое имущество.

Внимательно читая исследование Н.Л. Янчевского о колониальной политике московского торгового капитала на Дону, очень серьезное по привлеченному в нем эмпирическому материалу, В.Н. Королев обратил внимание на то, что в нем упоминалось о разорении и сожжении донскими казаками турецких городов и сел. Это он относил к событиям 1635 и 1651 гг. На этом основании, полагал он, Азов располагал сельской округой. Постепенно эта округа сжалась под натиском донских казаков. Отсюда он делал предположение, что население округа ушло в Азов, а «часть

азовских славянских хане (дворов) первой половины XVI в.» следует отнести к этой округе [Королев, 1999, с. 17].

По мнению В.Н. Королева, летописное сообщение под 1117 г. об уходе беловежцев на Русь невозможно распространять на жителей незначительных славянских поселений на Дону. Объяснял он это тем, что такие поселения имели с Русью слабые связи, причем это хорошо прослеживалось на археологическом материале. В них нет следов разрушений подобных тем, которые были в Белой Веже. Он вместе с тем отметил, что монгольское завоевание не привело к полной ликвидации славянских поселений на Дону, подобный вывод не соответствует археологическим данным. При этом В.Н. Королев признает, что «великая замаятня» в Золотой Орде в 1351–1370-х гг. содействовала тому, что население ряда более открытых мест уходило «в “крепки”, под защиту пойменных лесов, в болота и на речные острова». Он делает характерное добавление: «где возникали раннеказачьи городки». В самом деле, городки донских казаков XVI–XVII вв. ставились на островах и вообще в «крепких» местах. По его предположению, часть такого населения уходила в Азов [Королев, 1999, с. 17]. По его замечанию, сильный удар по славянскому населению Дона нанесло в 1395 г. нашествие Тимура, разгромившего Азов [Королев, 1999, с. 17].

Как отмечал В.Н. Королев, ко времени взятия войском Донским Азова в 1637 г. славянского населения в городе уже не было. Он указывал при этом на противоречивое положение проживавших ранее в Азове славян-русов. «Этническое происхождение и религиозная принадлежность должны были притягивать руссов к донским казакам», – писал он. Но он указывал и на другую сторону в их положении: «проживание в Азове, османское подданство, необходимость спокойствия и порядка для ведения хозяйства – к туркам». Он указывал, что активные боевые действия донских казаков против турок в Азове вызывали размежевание среди азовских славян-русов [Королев, 1999, с. 18]. В.Н. Королев также допускал возможность согласиться с французским источником, что взрыв в Азове в 1569 г. при отступлении турок и крымских татар из-под Астрахани могли осуществить «русские люди». Он при этом уточняет, что среди этих людей, организовавших взрыв, могли быть «казачьи агенты – “прикормленные люди”, как их называли на Дону» [Королев, 1999, с. 18].

По мнению В.Н. Королева, в приводившихся французскими исследователями грамотах султана Сулеймана I Кануни с требованием обеспечить защиту азовских рыбаков от нападений казаков на море речь шла о нападениях на азовских славян-русов, занимавшихся рыболовством. Он соглашался с тем, что вхождение Азова в состав Османской империи несло этим людям определенные выгоды, выражавшиеся в сбыте продукции и в обеспечении безопасности. Выходило, таким образом, так, что экономические интересы этих рыбаков были связаны со способностью Османской империи защитить их от казачьих нападений. Но, в свою очередь, донских казаков экономические интересы заставляли нападать на азовских славянорусских рыбаков, грабить у них их добычу, вовсе невзирая на этническое единство с ними [Королев, 1999, с. 18]. Таким образом, подчеркивал В.Н. Королев,

экономические причины могли играть свою роль в отрыве азовского славянского населения от донского казачества. Наконец, он указал: «часть азовских руссов исламизировалась, отуречилась и отатарилась, причем процесс их исламизации и ассимиляции, по-видимому, начался еще в дотурецкие времена» [Королев, 1999, с. 19]. Едва ли есть основания для отрицания такой возможности. Принятие ислама открывало в Османской империи целый ряд возможностей, которых были лишены султанские подданные, не относившиеся к мусульманам. Это давало налоговое облегчение и возможность повысить свой социальный статус в империи.

Подводя итог, В.Н. Королев делал вывод, что славяно-русское население турецкого Азова, заметное еще в середине XVI в., ко времени появления первых сведений о донских казаках, исчезло за 50–90 лет. Такой срок он определял не случайно. В решающей степени, по его мнению, этому способствовала ожесточенная война между донскими казаками и азовцами [Королев, 1999, с. 19]. Мы же можем сказать, что в настоящее время точка зрения о наличии у донского казачества славяно-русских предков, начало которых на Дону лежит еще в эпоху раннего средневековья, не разделяется большинством историков. Сказывается сложность поиска источников и их внутренних смыслов, что оставляет немалый простор для произвольных авторских рассуждений, для построения гипотез, опирающихся на предыдущие гипотезы, для суждений по аналогии. Едва ли этого избежал сам В.Н. Королев. Так, его вывод о разгроме донских славяно-русов при Тимуре является гипотезой, которая опирается на гипотезу о существовании этого населения, которую этот завоеватель мог громить.

Тем не менее, невозможно не признать, что В.Н. Королев как выдающийся историк поставил серьезные вопросы, которые касаются не только проблемы генезиса казачества на Дону, но и этнической истории Дона в целом в средние века, до появления казачества и войска Донского. Дальнейшая их разработка велась учеником В.Н. Королева, В.К. Цечоевым. Особое внимание В.К. Цечоев вместе со своим соавтором Е.И. Дулимовым уделяли вопросам, связанным со славянами в Азове и с бродниками. Авторы делали вывод о «бродническом служилом населении Подонья-Приазовья», которое было на службе русских князей. Они говорили об их поселениях, которые на Нижнем Дону были сосредоточены вблизи Азова [Дулимов, Цечоев, 2001, с. 219]. В конце XIV–XV вв. эти авторы подчеркивают наличие «на Дону служилого населения, объединенного в боеспособные отряды, нанимавшиеся на службу феодалам» [Дулимов, Цечоев, 2001, с. 232]. Они рассматривают «бродников и рязанцев Верхнего Дона, уходивших “в молодчество” (последние иногда назывались “заполянами”)». Авторы при этом дают важное уточнение к вопросу о генезисе казачества. До того, как в источниках в середине XVI в. стало упоминаться донское казачество, речь шла с конца XV в. о казаках вообще. И именно с ними, отмечали Е.И. Дулимов и В.К. Цечоев, Эвлия Челеби связывал победу турок «над “неверными” казаками “в большой битве под Анапой” примерно в 1481–1482 гг.» [Дулимов, Цечоев, 2001, с. 236]. В этих казаках они видят рязанских промысловиков, которые как «и их предшественники занимались в степи промыслом в

широком смысле этого слова, а не в современном значении промысла как вида хозяйственной деятельности» [Дулимов, Цечоев, 2001, с. 236].

Как и его предшественники, сторонники происхождения казачества не только от выходцев из русских земель XVI в., но и от славянского населения эпохи раннего средневековья, В.Н. Королев не смог доказать этого положения. Тем не менее, значение его поиска в том, что он поставил некоторые вопросы, на которые пытается давать ответы В.К. Цечоев и которые так или иначе будут возникать перед историками раннего казачества. Это составляет часть научного наследия выдающегося российского и донского историка В.Н. Королева, работавшего на историческом факультете РГПИ и РГУ.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Агафонов А.И. Королев Владимир Николаевич (1940–2005) // *Историки Ростовского университета. Сборник биографических очерков.* Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2018. С. 152–160.

Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 1: 1334–1598. СПб.: Тип. Экспедиции заготовления Гос. бумаг, 1841. 612 с

Волинкин Н.М. Предшественники казачества – бродники // *Вестник ЛГУ.* 1949. № 8. С. 55–60.

Дулимов Е.И., Цечоев В.К. Славяне средневекового Дона. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 2001. 319 с.

Корниенко Б.С. Правый Дон: казаки и идеология национализма (1909–1914). СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2013. 228 с.

Королев В.Н. Босфорская война. Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ. 2002. 702 с.

Королев В.Н. Донские казачьи городки. Новочеркасск: Дончак, 2007. 239 с.

Королев В.Н. Славяне турецкого Азова // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки.* 1999. № 2. С. 16–20.

Мавродин В.В. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X–XV вв. // *Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена.* 1938. № 11. С. 231–273.

Полное собрание русских летописей. М.; Л., 1949. Т. 25. 464 с.

Попов А. История о Донском Войске. Кн. 1. Харьков: Университетская тип., 1814. 170 с.

Ригельман А.И. История о донских казаках. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 1992. 220 с.

Савельев Е.П. Древняя история казачества (Историческое исследование). Новочеркасск, 1915. 184 с.

Сахаров П.П. Происхождение донского казачества // *Записки Ростовского-на-Дону общества Истории, Древностей и Природы.* Ростов-на-Дону, 1914. Т. 2. С. 5–48.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 3 М.: Мысль, 1989. 752 с.

Татищев В.Н. Лексикон Российский исторический, географический и политический // Татищев В.Н. Избранные произведения. Л.: Наука, 1979. С. 153–327.

Шапиро А.Л. Историография с древнейших времен по XVIII век. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982. 239 с.

Шенников А.А. Червлёный Яр: Исследования по географии и истории Среднего Подонья в XIV–XVI вв. Л.: Наука, 1987. 139 с.

REFERENCES

Agafonov A.I. *Korolev Vladimir Nikolaevich* [Korolev Vladimir Nikolaevich] (1940–2005), in *Istoriki Rostovskogo universiteta. Sbornik biograficheskikh ocherkov* [Historians of Rostov University. Collection of biographical essays]. Rostov-na-Donu; Taganrog, 2018. Pp. 152–160 (in Russian).

Akty istoricheskiye, sobrannyye i izdannyye arkheograficheskoy komissiyey [Historical acts compiled and published by the archaeological commission]. SPb.: Tip. Ekspeditsii zagotovleniya Gos. bumag, 1841. T. 1. 612 p. (in Russian).

Volynkin N.M. *Predshestvenniki kasachestva - brodniki* [The predecessors of the Cossacks are brodniks], in *Vestnic LGU*. 1949. № 8. Pp. 55–60 (in Russian).

Dulimov E.I., Cechoev V.K. *Slavjane srednevekovogo Dona* [Slavs of the medieval Don]. Rostov-na-Donu: Rostizdat, 2001. 319 p. (in Russian).

Kornienko B.S. *Pravy Don: kazaki i ideologia nacionalizma (1909–1914)* [Right Don: Cossacks and the ideology of nationalism (1909–1914)]. SPb: Izd-vo Evropeiskogo universiteta, 2013. 228 p. (in Russian).

Korolev V.N. *Bosforska voina* [The Bosphorus War]. Rostov-na-Donu: Izd-vo RGU, 2002. 702 p. (in Russian).

Korolev V.N. *Donskie kazachi gorodki* [The Don Cossacks towns]. Novocherkassk: Donchak, 2007. 239 p. (in Russian).

Korolev V.N. *Slavane tureckogo Azova* [Slavs of Turkish Azov], in *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennyye nauki*. 1999. № 2. Pp. 16–20 (in Russian).

Mavrodin V.V. *Slavano-russkoe naselenie Nizhnego Dona i Severnogo Kavkaza v X-XV vv.* [Slavic-Russian population of the Lower Don and the North Caucasus in the X-XV centuries], in *Uchenye zapiski LGPI im. A.I. Gercena*. 1938. № 11. Pp. 231–273 (in Russian).

Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete collection of Russian chronicles]. M.; L., 1949. T. 25. 464 p. (in Russian).

Popov A. *Istoria o Donskom Voiske* [The story of the Don Armees]. Kn. 1. Harkov: Universitetskaya tip., 1814. 170 p. (in Russian).

Rigelman A.I. *Istoria o donskikh kazakah* [The story of the Don Cossacks]. Rostov-na-Donu: Rostizdat, 1992. 220 p. (in Russian).

Savelev E.P. *Drevnaa istoria casachestva (Istoricheskoe issledovanie)* [The ancient history of the Cossacks (Historical research)]. Novocherkassk, 1915. 184 p. (in Russian).

Saharov P.P. Proishozhdenie donskogo kazachestva [The origin of the Don Cossacks], in *Zapnski Rostovskogo-na-Donu obshestva Istorii, Drevnostei i Prirody* [Notes of the Rostov-on-Don Society of History, Antiquities and Nature]. Rostov-na-Donu, 1914. T. 2. Pp. 5–48 (in Russian).

Soloviov S.M. *Istoria Rossii s drevneishih vremen* [History of Russia since ancient times]. Kn. 3 M.: Mysl, 1989. 752 p. (in Russian).

Tatishev V.N. Lexicon Rossiiskii istoricheskii, geograficheskii i politicheskii [Lexicon Russian historical, geographical and political], in Tatishev V.N. *Izbrannye proizvedenia* [Featured Works]. L.: Nauka, 1979. Pp. 153–327 (in Russian).

Shapiro A.L. *Istoriografia s drevneishih vremen po XVIII vek* [Historiography from ancient times to the XVIII century]. L.: Izd-vo LGU, 1982. 239 p. (in Russian).

Shennikov A.A. *Chervleny Iar: Issledovaniapo geografii i istorii Srednego Podonia v XIV-XVI vv.* [Chervleny Iar: Research on the geography and history of the Middle Don region in the XIV–XVI centuries]. L: Nauka, 1987.139 p. (in Russian).